

Сначала были и любовь, и клятвенные заверения
в вечной преданности...

В ПОИСКАХ «ЖИВОГО ТРУПА»

ОН ЕЕ И НА РУКАХ носил, и посуду мыл. Ну – идеальный избранник. Все, как вспоминает Елена Беляева, тогда еще Камболова, закончилось после ЗАГСа.

Видимо, молодой муж, Тимур Максимович, посчитал, что отныне молодая супруга – его «окольцованная» собственность. Даже не было традиционного медового месяца. А тут еще беременность: мол, теперь уж точно никуда не денется. И показал свое истинное лицо. По дому не помогал, все хозяйство молодой семьи лежало на плечах Лениной мамы – жили они в квартире ее родителей. Начал даже рукоприкладствовать. Однажды Лена начала будить Тимура на работу – в ответ раздалась привычная брань, в Лену, на руках которой был месячный Максимка, полетел видеомаягнитофон. И это оказалось последней каплей, переполнившей чашу терпения.

После всех издевательств «была разлука без печали». Хотя Лена с младенцем оказалась в довольно печальном, если не сказать больше, положении. На помощь свекрови никакой надежды не было. После того, как ее любимого сыночка за все его художества выставили из квартиры, она заявила с пустыми сумками-баулами и забрала не только все вещи сына, не только свадебные подарки – тюль, посуду, но и детские игрушки: мол, мне еще пригодятся. Но алименты на содержание семьи и сына папаша платить не собирался, похоже, изначально. Работал он в то время на комбинате, но деньги – 400 рублей в месяц по исполнительному листу – Лена получала очень недолго: вскоре «кормилец» уволился с предприятия. Спустя многие месяцы Лена случайно узнала, что Тимур Камболов работает в одном из управлений треста «Магнитострой». Сама взяла в службе судебных приставов исполнительный лист и отнесла в его бухгалтерию. Два или три месяца деньги приходили, а затем Тимур снова исчез. И с тех пор, без малого девять лет, находится в бегах.

Хотя какие там «бега»? Живет Тимур по-прежнему в городе, наверняка работает. Правда, однажды сделал нехитрый финт: из маминой квартиры перебрался к бабушке. И если бы наши сыщики даже не очень постарались, а просто поставили такую цель, нашли бы злостного неплательщика алиментов довольно скоро. Но, похоже, и у милиции, и у судебных приставов других забот навалом. Вот как Елена Беляева описывает последний «сериал» хождений за положенными ей по суду алиментами, сумма которых уже приблизилась к четверти миллиона рублей:

«В декабре 2007 года написала в службу судебных приставов Ленинского района очередное заявление о привлечении Тимура

КОЛАЖ ИРИНЫ ЖУРАВЛЕВОЙ

Камболова к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 157 УК РФ. Но судебный пристав сказала, что это будет очень долго, и посоветовала идти сразу в милицию. Написала соответствующее заявление в ОВД по Ленинскому району. В январе мне позвонили и сказали, что мой бывший муж объявлен в розыск и розыском занимаются... судебные приставы. Но в феврале из отдела судебных приставов Ленинского района по почте пришло уведомление, что розыском Камболова занимается... милиция. В марте я решила узнать, как продвигаются его поиски. Но в милиции ответили, что они этим не занимаются, и отправили меня к судебным приставам. Пришла в «своему» судебному приставу, которая только пожала плечами: идите в милицию, это их дело. Прошло более полугода, как Камболов объявлен в розыск. Нет никаких результатов, неизвестно, занимаются его поисками, кто занимается или просто кивают друг на друга, и никто ничего не делает.

И волокита – с 2000 года. Елене судебные приставы говорили довольно откровенно, как они осуществляют «розыск». Мы, мол, посылаем ему повестки, а он не является. По другому адресу вызываем – опять не является. Ну что мы можем поделать? Вы бы уж оставили его в покое, так многие мамы делают. У нас даже есть судебные приставы, которые со своих бывших мужей не могут получить алименты.

Последняя сентенция вообще издевательская. Может, у этих представительниц прекрасного пола в погонах есть новые состоятельные мужья или зарплата позволяет безбедно жить без помощи «бывшего», это их личное дело. А вот найти подонка, оставившего собственного ребенка без помощи, – дело государственное. И именно государство платит им деньги, чтобы они способствовали социальной поддержке таких детей. И преступление это – уголовное.

У Елены давно уже другая семья, другая фамилия. Собственно, «той» семьи и не было по сути. У Максима есть сестренка Светочка, которой пошел четвертый год. И папу он знает только одного. Но только спрашивает иногда, мол, почему у Светы отчество Витальевна, а у него – Тимурович? Живут скромно, по зарплате. Елена – воспитатель в детском садике, Виталий – на рядовой должности в фирме по производству мебели. Конечно, вчетвером в однокомнатной «хрущевке», которая Лене досталась после раздела родительской квартиры, тесновато, но, как говорится, не в обиду. Был бы лад в доме – остальное приложится.

Мне показалось, что Елена втянулась во всю эту бюрократическо-чиновничью мороку даже не из-за алиментов, хотя и эти крохи были бы не лишние. А из-за принципа – не должен подлец по отношению к собственному ребенку оставаться безнаказанным. Тимура она уже

давно вычеркнула из своей жизни. Для нее, а для сына и подавно, он – как «живой труп». Как и свекровь, которая даже отвернулась, как-то встретив ее и Максима на улице. Но опасается, как бы папаша в будущем, когда станет старым и беззубым, не объявился в их жизни. А такое бывает, когда немощные «бывшие» возникают и даже требуют обеспечения их старости.

Еленин муж готов усыновить Максима. Но для этого нужно, чтобы Камболова лишили родительских прав. Кстати, тогда «алиментная» тема отпадает сама собой. Но Елена столкнулась опять-таки с бюрократической волокитой, когда решили на семейном совете поменять Максиму хотя бы фамилию. Потребовали от Елены бумажку от бывшего мужа – нотариально заверенный документ, что он не против, чтобы «биологическому» сыну поменяли фамилию. А как? Он ведь в розыске... Но нашла Елена в Семейном кодексе статью, в которой ясно говорится: если местонахождение бывшего мужа неизвестно, то можно поменять фамилию и без него. Позвонила даме по телефону, процитировала статью. И тогда та «сниззошла»: ладно, приезжайте.

С лишением Камболова родительских прав и усыновлением – вообще тупик. В городском отделе опеки и попечительства дали большой перечень необходимых документов, которые необходимо собрать. Собрала. Осталось дожидаться специалиста, которая посмотрела бы жилищные условия, в которых находится усыновитель. Хотя какое значение это имеет в данном случае? Семья давно в этих условиях живет – разнополые дети на двухъярусной кровати за занавеской, до возможности взять ипотеку далековато, а в очередь на льготное жилье после «посмотра» все равно не поставят. «Специалист» пришла «посмотреть» через полгода. И тут же всплеснула руками: у вас уже все документы устарели, собирайте заново. Потом я еще раз к вам придите посмотреть. Елена – опять по инстанциям. А насчет «посмотреть» – опять пошли «завтраки»: тогда-то и тогда-то. Как-то спросила: машина у вас есть свозить меня? Нет? Ну, ждите. Так и не пришла. А «бумажки» опять «устарели».

Вот и гадай: добиваться розыска бывшего мужа с последующим наказанием по уголовной статье и принуждением к выплате алиментов либо продолжать потуги по лишению его родительских прав. Куда ни кинь – везде клин, повсюду чиновничье безразличие.

Впрочем, есть, на мой взгляд, небольшой такой выход из этого бюрократического круга. Существует положение, по которому в период розыска должника-алиментщика государство выплачивает пособие на ребенка. Скромное, даже очень. Даже с губернаторской надбавкой. Но государство – худо ли бедно, умеет считать деньги. Для получения такого пособия Елене и надо всего лишь получить справку о том, что ее «бывший» находится в розыске, и представить ее в управление соцзащиты населения. Может, тогда и впрямь начнут искать?

ЮРИЙ БАЛАБАНОВ.

Браки заключаются на небесах

СВАДЕБНЫЕ ИЗЫСКИ

ОБЫЧНОЕ БРАКОСОЧЕТАНИЕ в церкви пришлось не по вкусу 24-летнему американцу Даррену Макволтерсу и его 23-летней невесте Кэти Ходсон.

Приняв буквально поговорку о заключении браков на небе, пара заказала три одинаковых самолета, чтобы произнести клятвы в воздухе.

Молодой фитнес-инструктор и его невеста привязали себя к крыльям двух самолетов, а священника – к крылу третьего биплана. Преподобный Джордж Бринхем венчал влюбленных через динамики, встроенные в самолет. Сами молодожены выглядели как подобает: белое платье и черный фрак были уместны даже на расстоянии 300 метров над землей. Гостей и родственников, наблюдавших за происходящим снизу, церемония привела в восторг.

После приземления молодожены обменялись кольцами и поцелуем. Оба смотрелись счастливыми и были готовы продолжить уже вполне обычный банкет. Кэти, работающая почтальоном, призналась, что в детстве даже не мечтала о подобном, однако Даррен воодушевил ее на этот смелый поступок. Сам же Даррен преодолел свой страх высоты, чтобы удивить свою любимую.

Это не первый случай подобных свадебных изысков. К примеру, новобранцы Лина и Фред Соломоне обменялись кольцами, висая на стропах парашюта. Индийская пара Дипти и Чандан обменялись кольцами на расстоянии 20 метров от земли, поддерживаемые веревками. А вот 32-летняя Кэролин Банн и ее 33-летний муж совершили свадебный обряд, как Кэти и Даррен, тоже поженившись на крыльях самолетов. Разница была лишь в том, что этой паре пришлось выкрикивать клятвы в полный голос, так как у них не было системы коммуникаций, необходимой в таких случаях.

● НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Какая свадьба без фингала?

ТАК УЖ ПОВЕЛОСЬ, что драки на торжественных «гуляньках» отнюдь не редкость. Это, можно сказать, своего рода традиция. То родственники невесты идут против новоиспеченной родни, то гости жениха отстаивают свои права.

На одной свадьбе все шло прилично, пока дело не дошло до... шампанского. Кто-то из гостей, открывая бутылку игристого, заставил, правда, непреднамеренно, всю свадьбу затаить дыхание. Пластмассовая пробка совершила невероятный пирует, облетела практически ползала, не коснувшись никого из гостей и направилась в сторону молодоженов. Меткости той пробки было не занимать, она угодила жениху прямо в глаз. Как говорится в таких случаях: и смех, и грех. Но молодому человеку было не до веселья. Глаз опух, появился бордовый «ореол», и со свадьбы жених ушел с фингалом.

Получилось: драки нет? Нет. А синяки? Согласно «традиции» – есть.

СОФИЯ МАЛИКОВА.